

Статус министра союзного двора в дипломатической литературе и дипломатической переписке XVIII в.

Аннотация: Статья посвящена проблеме функционирования союзных отношений между государствами в раннее Новое время, которая рассматривается через изучение различных сфер сотрудничества и повседневного общения их дипломатических представителей. Автор анализирует упоминания понятия «министр союзного двора» в наиболее известных европейских трудах по посольскому праву и дипломатических трактатах конца XVII – первой четверти XVIII в., а затем на примере взаимоотношений России и Австрии в 1780-е годы показывает, как на практике дипломаты реализовывали статус союзника. Этот статус обеспечивал своему обладателю не только существенные, хотя и неписанные, личные преимущества (прежде всего близость к государю союзного двора), но и дополнительные возможности для профессиональной деятельности, позволявшие более успешно решать стоявшие перед его двором внешнеполитические задачи.

Ключевые слова: теория и практика дипломатии XVIII в., статус министра союзного двора, российско-австрийские отношения в 1780-е годы

УДК 94(47).066

Abstract: The article deals with the problem of functioning of allied interstate relations in the Early Modern period, which is examined through studying various spheres of cooperation and daily communication between diplomatic representatives of allied powers. The author analyses mention of the concept «minister of an allied court» in the most famous works on ambassadorial law and diplomatic treatises of the late seventeenth –early eighteenth century, and then shows, using the example of relations between Russia and Austria in the 1780s, how diplomats implemented in practice the status of an ally. This status provided its owner not only with significant, though unwritten, personal advantages (above all, proximity to the monarch of an allied court) but also additional opportunities for professional activity which allowed him to perform more successfully foreign policy goals of his own court.

Key words: theory and practice of eighteenth-century diplomacy, status of a minister of an allied court, Austro-Russian relations in the 1780-s

* *Петрова Мария Александровна* – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, и.о. доцента Государственного академического университета гуманитарных наук (e-mail: maria.petrova@bk.ru)

Для Европы раннего Нового времени союзы являлись важным элементом системы международных отношений и одним из инструментов поддержания баланса сил. Заключение двустороннего договора могло иметь разные последствия и порой провоцировало войну против третьей державы, но чаще подразумевало сотрудничество в политической, экономической и гуманитарной сферах. Успех союзного объединения во многом зависел от уровня доверия и взаимодействия дипломатов союзных держав. Цель настоящей статьи – проанализировать механизмы этого взаимодействия, показать, каким в теории и на практике был статус министра союзного двора и какое значение этот статус имел для решения стоявших перед ним внешнеполитических задач. Источниками исследования являются опубликованная дипломатическая литература и служебная переписка российских и австрийских представителей за рубежом, хранящаяся в Архиве внешней политики Российской империи в Москве и Австрийском государственном архиве в Вене.

Упоминания министров союзного двора или союзного государя в трудах по посольскому праву и искусству дипломатии конца XVII – первой четверти XVIII в. довольно редки и отрывочны и потому заслуживают внимания. Так, в двухтомном трактате голландского писателя и дипломата Авраама де Викфора (Абрахама де Викефорта) 1682 г., насчитывающем более 1300 страниц, удалось найти лишь пять упоминаний о «публичном министре» дружественного или союзного государя («Ministre public caractérisé d'un Prince Souverain et Allié», «Ministre public d'un Prince Amy ou Allié») и один пространный комментарий в главе «О неприкосновенности послов», который представляется целесообразным привести целиком:

«Правосудие, распространяющее свою юрисдикцию на священное лицо публичного министра, и насилие, лишённое формальных оснований, в равной степени являются преступными и ниспровергают Право Народов (международное право). Суд, угрожающий пытками публичному министру союзного государя, не для того чтобы заставить его назвать соучастников заговора, направленного против покоя государства, или раскрыть тайны преступной переписки, но для того чтобы вынудить его объявить о тайных сношениях, которые он мог иметь в этом государстве, чтобы добыть сведения для своего монарха, совершает отвратительное преступление, которое можно искупить только смертной казнью некомпетентных и незаконных судей»¹.

Таким образом, Викфор допускает, что министр союзного двора может иметь тайные источники информации и получать ее самыми разными способами, если это принесет пользу его государю. Единственное, за что такого министра следует подвергнуть суду, это участие в заговоре против иностранного государя или недонесение о его подготовке. Здесь возникает вопрос: почему в трактате Викфора речь идет только о министре союзного двора? Скорее всего, потому что в эпоху формирования

¹ Wicquefort A. de. L'Ambassadeur et ses fonctions. La Haye: Veneur, 1682. Partie 1. P. 402 (Здесь и далее пер. с фр. и нем. яз. – автора статьи). В знаменитом труде Гуго Гроция 1626 г. «О праве войны и мира» в главе «О праве посольства» это понятие не употребляется вообще.

сети постоянных дипломатических представительств при дворах европейских государей действовали пока лишь министры союзных держав.

Ситуация начала меняться в первой четверти XVIII в. В трактате 1716 г. выдающегося дипломата и литератора эпохи Людовика XIV Франсуа де Кальера «Каким образом договариваться с государями», ставшего классикой дипломатической мысли, читаем:

«Полезно ему [министру] свести особое знакомство с министрами союзников государя своего, находящимися при одном с ним дворе; надобно их уведомлять о делах, могущих принести пользу их интересам, дабы и от них получать уведомления в некоторых случаях; оказывать им добрые услуги у государя своего, и когда они поспособствуют в чем-либо успеху его дел, доставлять им некоторой знак его к ним почтения и благодарности; помогать им своею доверенностию и услугами при том дворе, где они находятся, в производимых ими делах и в случающихся спорах; когда они поссорятся между собою или с некоторыми министрами той земли, где пребывают, вступать в посредничество для примирения их»².

Подобную мысль несколько под другим углом зрения высказывал и Жан де Ла Сарраз дю Франкнэ в своем труде 1731 г. «Публичный министр при иностранных дворах, его функции и прерогативы»: если государи находятся в союзных отношениях, их министры должны откровенно сообщать друг другу обо всем, что касается этого союза и прочих важных делах за исключением государственных секретов³. Оба автора таким образом подтверждают, что при дворе государя могли находиться министры союзных и несоюзных держав и стратегии общения с ними были разными.

Неизвестный автор популярного в XVIII в. «Трактата о посольствах и послах», изданного в Роттердаме в 1726 г., довольно пространно рассуждает на страницах книги о сущности союзов и общественном положении послов, обосновывая тот факт, что естественное право и право народов разрешают вступать в союзы с людьми любого вероисповедания. В этом же контексте он размышляет о статусе министров союзных держав:

«Некоторые утверждают, что государь не может отказать в выдаче паспортов, не нарушив этим естественное право и право народов. Что касается меня, то мне представляется, что необходимо различать, принадлежит ли посол, испрашивающий у нас паспорта, к нашим врагам, и направляется

² Каким образом договариваться с государями, или О пользе договоров, о избрании послов и посланников и о качествах нужных для получения успеха в сих званиях / Сочинение Г. Калиера [...] с многими прибавлениями М***. Переведено с Французского Ризвикского издания в 1757 году. СПб.: изданием Императорской Академии наук, 1772. Ч. 1. С. 241–243; Callières F. de. De la manière de negocier avec les souverains, ou De l'utilité de Négociations, du Choix des Ambassadeurs & des Envoyés, & des Qualités nécessaires pour reussir dans ces Emplois / Par Mr. de Callières, Conseiller ordinaire du Roy en ses Conseilles, Secretaire du Cabinet de Sa Majesté, ci-devant Ambassadeur extraordinaire & plenipotentiaire du feu Roi pour les Traités de Paix conclus à Ryswick et l'un des Quarantes de L'Academie Française. Paris: Chez Michel Brunet, au Mercure Galant, 1716; Amsterdam, 1716; Bruxelles, 1716. С. 249–251.

³ La Sarraz du Franquesnay J. de. Ministre public dans les cours etrangeres, ses fonctions et ses prerogatives. Amsterdam: aux dépense de la Compagnie, 1731. P. 174.

к тем, с кем мы в настоящий момент находимся в состоянии войны, или же он послан дружественным нам государем и едет в державу союзническую и дружественную. В первом случае, на мой взгляд, отказ в выдаче паспортов никак не противоречит праву народов. <...> Но государь должен быть уж совсем дурного нрава, чтобы отказать в выдаче паспортов министрам своих друзей и союзников, которых нет ни малейшего повода опасаться или подозревать»⁴.

Авторами приведенных высказываний были действующие дипломаты, писатели и публицисты, которые опирались на собственный опыт и давали в своих произведениях рекомендации, как следует поступать в предлагаемых обстоятельствах. Эти рекомендации безусловно фиксировали существовавшие в определенный момент времени нормы и практики, свидетельствуя о том, что юридически оформленного статуса у министра союзного двора к середине XVIII в. не было, тем не менее за ним признавалось неписаное право на особое положение в самых разных сферах общественной жизни – будь то судопроизводство, проезд через границу или общение с представителями двора и дипломатического корпуса.

Теперь рассмотрим на материалах дипломатической переписки не только проблему статуса и привилегий союзного министра, но и как работали механизмы союзного взаимодействия. Примером будут служить двусторонние отношения Российской империи и Австрийской монархии в 80-е годы XVIII в., имевших богатый предшествующий опыт сотрудничества в рамках разного рода коалиций и союзов.

Россия дважды в XVII в. присоединялась к антиосманской Священной лиге европейских держав, возглавляемой Габсбургами. В 1726 г. Россия и Австрия подписали первый полноценный союзный договор, направленный против Турции, а в 1746 г. оформили новый союз, главной функцией которого было сдерживание Пруссии. После смерти российской императрицы Елизаветы Петровны (1741-1761 гг.) на заключительном этапе Семилетней войны (1756–1763 гг.), воцарения ее племянника Петра III, а затем и Екатерины II (1762–1796 гг.) российско-австрийский союз распался почти на двадцать лет, уступив место российско-прусскому. Так были заложены основы «северной системы» графа Н.И. Панина, руководившего Коллегией иностранных дел с 1763 по 1781 гг.

Кризис российско-австрийских отношений ярко проявился в годы Русско-турецкой войны 1768-1774 гг., с началом которой Австрия, казалось, была готова резко изменить курс и разорвать традиционные связи, вступив в соглашение со своими недавними врагами – Пруссией и Турцией – против России. Предметом спора между Петербургом и Веной стали Дунайские княжества – Молдавия и Валахия. Фридриху II удалось примирить императорские дворы, предложив им вместо раздела Османской империи раздел Польши. После окончания войны в 1774 г. австрийским политикам было очевидно, что противостоять России в ее продвижении в Причерноморье и на Балканы не удастся. Более

⁴ Трактат о посольствах и послых / Пер. с франц. Е.В. Лавровой; общ. ред., предисл., послесл. и примеч. Л.А. Сифуровой. М., 2006. С. 98–99.

разумным вариантом представлялось сотрудничество. В свою очередь, Екатерина II, не сумев отстоять территориальные приобретения в Греческом архипелаге, задумалась о том, что России нужен новый союзник – более надежный и деятельный, чем Пруссия, а главное – имеющий в регионе свой интерес. Таким союзником могла стать только Австрия.

Первый шаг к сближению сделал император Священной римской империи Иосиф II (1765-1790 гг.), являвшийся соправителем своей матери Марии Терезии (1740–1780 гг.) в наследственных землях Австрийского дома. В январе 1780 г. он предложил Екатерине II встретиться лично и, получив согласие, в апреле того же года приехал в Россию как частное лицо инкогнито под именем графа Фалькенштейна, чтобы обсудить с императрицей идею возможного союза. Знакомство монархов и возникшая между ними симпатия сделали двусторонние отношения более доверительными, и в мае 1781 г. Россия и Австрия заключили новый союзный договор и секретную статью об Османской империи.

Екатерина II собиралась подписывать договор по правилу так называемой альтернативы (или альтерната), согласно которому подписи сторон в двух экземплярах документа чередуются. Иосиф II, хотя и заключавший союз в качестве австрийского монарха, не мог согласиться с таким порядком оформления: титул императора Священной Римской империи предоставлял ему исторически сложившееся, признанное другими государями преимущество, или «прерогативу», – право первой подписи в обоих экземплярах документа. После долгих переговоров, в которых ни одна из сторон не собиралась уступать, Екатерина II предложила подписать договор в форме обмена письмами⁵. Иосиф II скрепя сердце согласился, но поставил ряд условий. Не желая создавать опасный прецедент, он попросил официально объявить европейским дворам, что подписание договора не состоялось, и убедить их в этом по дипломатическим каналам⁶.

Екатерина II приняла эти условия, но оба монарха пошли еще дальше: факт заключения договора они скрыли даже от своих дипломатических представителей. Исключение составил австрийский посланник в Петербурге граф Людвиг Кобенцль, который с января 1781 г. вел переговоры о союзе с российскими уполномоченными. 27 мая (7 июня) 1781 г. все российские дипломаты при иностранных дворах получили рескрипт следующего содержания:

«Вы, вероятно, уже знаете о том, что наш и венский двор вели переговоры о заключении союзного договора. Расхождение во мнениях, возникшее вследствие простой формальности, помешало его подписанию. Тем не менее императорские дворы по-прежнему пребывают в тесной дружбе, доброй гармонии и взаимном доверии, которые счастливо существуют между ними. Для того чтобы расположение сторон друг к другу стало еще более действенным, их императорские величества договорились предписать

⁵ См. публикацию этих писем Екатерины II и Иосифа II: Joseph II. und Katharina von Russland. Ihr Briefwechsel / Hrsg. A. Ritter von Arneth. Wien, 1869. S. 72–90.

⁶ См. подробнее: Петрова М.А. Екатерина II и Иосиф II: Формирование российско-австрийского союза. 1780–1790. М., 2011.

своим послам и министрам при иностранных дворах пребывать между собой в полном согласии, оказывать друг другу добрые услуги по любым поводам, затрагивающим интересы их государей»⁷.

Секретность вокруг российско-австрийского договора сохранялась в течение двух лет и была нарушена в июле 1783 г. вскоре после издания манифеста о присоединения Крыма к России. Выбор времени был не случаен. Екатерина II не могла исключать возможности начала военных действий с Османской империей и рассчитывала на помощь союзника. До июля 1783 г. министры России и Австрии при европейских дворах считались министрами дружественных держав, фактически являясь министрами союзных держав. В Петербурге и Вене этот статус давал его обладателям определенные преимущества по сравнению с остальными членами дипломатического корпуса, в других европейских столицах – дополнительные возможности для успешного выполнения инструкций, получаемых от своих государей.

Так, российский посланник в Вене князь Дмитрий Михайлович Голицын мог не узнать о заключении российско-австрийского договора, но 10 (21) мая 1781 г., в день отправления курьера к российскому двору с подписанными письмами Иосифа II, государственный канцлер Венцель Антон Кауниц рассказал Голицыну о способе заключения договора, попросив не передавать свои слова в Петербург. Это можно расценить как знак особого доверия к российскому посланнику, который все-таки сообщил Екатерине II о своей осведомленности в таком важном вопросе⁸.

В Архиве внешней политике Российской империи сохранилось одно любопытное письмо Кауница, адресованное Голицыну (подлинник, подписанный канцлером). Это сопроводительное письмо к документам, раскрывающим позицию Вены по вопросу о пересмотре австро-турецкой границы. Переговоры по этому делу шли в Константинополе в 1784 г. Передавая Голицыну на время эти документы для ознакомления, Кауниц написал ему: «Я обещал ввести Вас в курс дела, мой дорогой князь, по поводу того, что нам еще предстоит уладить в [отношениях] с Портой. Вам будет трудно запомнить то, что я хотел бы сказать Вам на ухо, и я думаю таким образом оказать Вам услугу и избавить от лишнего труда. Поэтому я принял решение сделать в отношении Вас то, что я, без сомнения, не сделал бы в отношении кого-либо другого. Я посылаю Вам здесь черновик, который должен быть передан графу Кобенцлю; соблаговолите вернуть мне эту оригинальную пьесу, с которой у меня действительно нет копии, и я льщу себя надеждой, что Вы найдете в этом сообщении новое доказательство моих чувств к Вам»⁹.

Донесения российских дипломатов свидетельствуют о том, что возможность читать и иногда копировать важные или даже секретные документы, составленные министрами союзных держав или добытые ими по своим каналам, пользоваться услугами их курьеров для отправки срочной (иногда даже

⁷ Циркулярное письмо вице-канцлера графа И.А. Остермана Д.М. Голицыну: Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 32. Сношения России с Австрией. Оп. 32/6. Д. 644. Л. 25–26 (пер. с фр. яз.).

⁸ См. секретнейшую реляцию Д.М. Голицына Екатерине II от 10 (21) мая 1781 г.: Там же. Д. 638. Л. 28–29.

⁹ Подлинник записки Кауница Голицыну от 5 апреля 1784 г.: Там же. Д. 674. Л. 26 (пер. с фр. яз.).

секретной) корреспонденции считалась обычным делом. Более того, обмен информацией с союзниками дипломаты воспринимали как свою прямую обязанность. По признанию посланника во Франкфурте-на-Майне графа Николая Петровича Румянцева, представлявшего интересы России при государствах Верхне- и Нижнерейнского, Вестфальского, Швабского и Франконского округов Священной Римской империи, он был гораздо больше осведомлен о конфликтах между имперскими штатами, чем его коллега австрийский посланник Фердинанд фон Траутмансдорф, хотя российскому дипломату как «постороннему в Германии министру» должно было бы, «пользуясь союзом венского двора с нашим, заимствовать сведения от него»¹⁰. Однако порядок передачи союзной стороне зашифрованных документов был строго регламентирован: «Надлежит давать оные [бумаги] краткою выпискою, или же хотя и пространною, сохраняя всю силу и точность дела и соединенных с ним обстоятельств, но переменяя по всей возможности выражения и речения, дабы инако посредством такового сообщения не подвергнуть цифирь открытию и отвратить всякое из того предосуждение для переписки наших министров, соблюдения тайны требующей»¹¹.

Статус министра союзной державы, безусловно, предоставлял и личные привилегии: быть наиболее желанным гостем на приемах у монарших особ или глав внешнеполитических ведомств, получать более ценные подарки по сравнению с министрами других держав, а в некоторых случаях иметь возможность оказывать влияние на принятие внешнеполитических решений, хотя как раз в контексте российско-австрийских отношений указанного периода эти возможности были ограничены. Интересно наблюдение австрийского посланника в Берлине Карла Ревецкого о повседневной жизни иностранных дипломатов в 1780 г., когда Пруссия находилась в союзе с Россией и Саксонией. Представители союзных держав имели «свободное общение с нацией», «для них были открыты многие общества, в которых других министров не принимали» и куда они тщетно стремились попасть¹². Это наблюдение применимо, пожалуй, к любому европейскому двору. Безусловно, значение имели и личные качества дипломата, его способность нравиться при дворе. Так Екатерина II пригласила принять участие в путешествии в Крым в 1787 г. не только посла союзной Австрии Людвига Кобенцля, но и французского посланника Луи де Сегюра, расположившего ее к себе обаянием и тонким умом.

Иногда статус дипломата союзной державы способствовал упрочению его общественного положения. В 1774 г. полномочным министром при Постоянном рейхстаге в Регенсбурге был назначен барон Ахац Фердинанд Ассбург, который формально оставался на этом посту до 1797 г., а официально

¹⁰ Н.П. Румянцев – А.А. Безбородко, 19 февраля (2 марта) 1787 г.: Там же. Ф. 92. Сношения России с Франкфуртом-на-Майне. Оп. 92/2. Д. 50. Л. 71–72.

¹¹ Проект рескрипта И.А. Остермана Д.М. Голицыну от 14 сентября 1784 г.: Там же. Ф. 32. Сношения России с Австрией. Оп. 32/6. Д. 314. Л. 33–33 об.

¹² К. Ревецкий – канцлеру В.А. Кауницу, 18 марта 1780 г.: Haus-, Hof- und Staatsarchiv (далее – ННStA). Staatskanzlei. Diplomatiscche Korrespondenzen. Preußen. Karton 61. Hofkorrespondenz. 1779–1781. Fol. 240–240 v. (пер. с нем. яз.)

так никогда не приступал к своим обязанностям, поскольку из-за ряда церемониальных трудностей не мог аккредитоваться при рейхстаге¹³.

Неопределенный статус Ассебурга оказывал негативное влияние на статус советника российского посольства в Регенсбурге Антона Себастьяна Струве, которого имперские и иностранные дипломаты на рейхстаге, в том числе и представитель императора Священной Римской империи главный комиссар (Prinzipalkommissar) князь Карл Ансельм Турн-унд-Таксис, не признавали поверенным в делах и протестовали против его появления на официальных церемониях. Российский дипломат дважды обращался к имперскому вице-канцлеру князю Рудольфу Иосифу Коллоредо (первый раз в 1780 г.) с просьбой каким-то образом узаконить его статус, но лишь в ноябре 1782 г., т.е. после заключения российско-австрийского союза в 1781 г., ему как советнику посольства дружественной «иностранный державы первого ранга» было позволено присутствовать на официальных приемах, но не в качестве поверенного в делах или представителя дипломатического корпуса, а в качестве «выдающегося иностранца» (eines distinguirten Fremden). Дело было улажено благодаря позиции канцлера Кауница: «Тесная дружба, существующая между нашим высочайшим и российским императорским двором, и другие соображения, которые сделают отрицательный ответ по делу Струве еще более чувствительным, не оставляют нам иного выхода, как действовать подобающим образом – очень осторожно и с учетом всех возможных соображений»¹⁴.

Статус министра союзной державы открывал и дополнительные возможности для работы. Так, важным инструментом сотрудничества России и Австрии на Востоке стало взаимодействие представителей обеих держав в Константинополе – чрезвычайного посланника и полномочного министра Якова Ивановича Булгакова и австрийского интернунция барона Петера Филиппа Герберта фон Раткеля. Вместе они добивались открытия российских и австрийских консульств в Османской империи, заключения с ней торговых договоров, урегулирования территориальных споров, не говоря уже о том, что Герберт оказывал Булгакову поддержку в деле присоединения Крыма.

Совместные акции российского и австрийского дипломатов были в новинку османскому министерству, и хотя оно далеко не всегда удовлетворяло требования Петербурга и Вены, выступление единым фронтом приносило свои плоды. Обычно Булгаков и Герберт составляли мемуары похожего содержания по спорному вопросу, затем каждый направлял к великому визирю своего драгомана (переводчика) с так называемым «словесным внушением» («communication verbale»), на которые Порте вынуждена была отвечать. 24 октября (4 ноября) 1782 г. дипломаты одновременно вручили Порте

¹³ См. подробнее: Петрова М.А. Опыт разрешения церемониальных конфликтов до принятия Венского регламента 1815 г. (по материалам российской дипломатической переписки) // 200 лет венской системе: проект и практика европейской дипломатии: материалы IX Конвента РАМИ. М., 2016. С. 67–70.

¹⁴ HHStA. Reichskanzlei. Zeremonialakten. Karton 20-22. Fasz. Ceremoniel gegen den Rußischen Legations-Rath von Struve. 1780. 1782 (листы не нумерованы; пер. с нем. яз.).

мемуары с требованием восстановить порядок в Крыму и вернуть престол свергнутому хану Шагин-Гирею¹⁵. В мемуаре Булгакова Иосиф II, по согласованию с бароном Гербертом, был назван «преданным союзником» Екатерины II, что вызвало бурную реакцию со стороны турецкого министерства. Булгаков отвечал на это, что «можно быть в союзе и без письменного трактата»¹⁶.

Успех совместных действий безусловно зависел от личных взаимоотношений дипломатов, степени доверия между ними. Этим поначалу Булгаков и Герберт похвастаться не могли. Накануне отправки в Константинополь инструкций для интернунция Кауниц имел откровенную беседу с посланником Д.М. Голицыным, в которой высказал пожелание, чтобы «Булгаков больше согласия и откровенности оказывал по делам барону Герберту, нежели как он поныне оказывает. К чему Князь Кауниц со удивлением прибавил еще сие, что барон Герберт неоднократно предлагал ему Булгакову готовность свою к содействию в поручаемых ему комиссиях, что однако же никакого не получал он ответа на свои вопросы и предположения и что такое посланника Булгакова поведение нимало не согласно с данными ему повелениями, ниже с тем добрым согласиём и с тою тесною дружбою, которые благополучно пребывают между обоими императорскими дворами»¹⁷. С течением времени отношения двух дипломатов стали более доверительными. После окончания крымского кризиса Булгаков признавался, что Герберт был его самым надежным помощником, особо отмечая такие качества, как усердие, умение работать в команде и хранить тайну¹⁸.

В 1780–1783 гг. (особенно после присоединения Иосифа II в октябре 1781 г. к системе вооруженного морского нейтралитета, созданной Екатериной II) Россия и Австрия приложили немало усилий, чтобы выступить в качестве посредников в урегулировании конфликта между Великобританией и ее североамериканскими колониями, которых поддерживали Франция и Испания. Посредничество в конечном счете было отклонено – слишком разными оказались цели участников конфликта, чтобы допустить вмешательство извне¹⁹. Однако участие российских и австрийских дипломатов, служивших в Париже, Лондоне и Мадриде, в двусторонних и многосторонних переговорах не только способствовало накоплению профессионального опыта, но и сыграло важную роль в укреплении союза. Канцлер Кауниц, по словам Д.М. Голицына, признавал «немалую важность, которую нейтральной системе могут придать согласные и одновременные обосторонних императорских министров поступки», основанные на разработанных совместно Веной и Петербургом инструкциях²⁰.

¹⁵ Я.И. Булгаков — Екатерине II, 10 (21) ноября 1782 г.: Дубровин Н.Ф. Присоединение Крыма к России: рескрипты, письма, реляции и донесения. СПб., 1889. Т. 4. С. 893.

¹⁶ Я.И. Булгаков — Екатерине II, 15 (26) ноября 1782 г.: Там же. С. 906–907.

¹⁷ См. секретную реляцию Д.М. Голицына Екатерине II от 16 (27) октября 1782 г.: АВПРИ. Ф. 32. Оп. 32/6. Д. 655. Л. 44–45.

¹⁸ Я.И. Булгаков – Екатерине II, 31 декабря 1783 г. (11 января 1784 г.): Там же. Ф. 89. Сношения России с Турцией. Оп. 89/8. Д. 625. Л. 127 об.

¹⁹ См.: Болховитинов Н.Н. Россия открывает Америку, 1732–1799. М., 1991. С. 54–93; Гриффитс Д. Посредничество как дипломатический инструмент: попытки России выступить посредниками между англичанами, голландцами и даже американцами (1781–1783 годы) // Гриффитс Д. Екатерина II и ее мир: Статьи разных лет. М., 2013. С. 407–425.

²⁰ Д.М. Голицын – Екатерине II, 12 (23) февраля 1782 г.: АВПРИ. Ф. 32. Оп. 32/6. Д. 651. Л. 6–6 об.

Интересны примеры сотрудничества России и Австрии в гуманитарной сфере. В апреле 1782 г. российский резидент в Гамбурге Фридрих Гросс получил сведения от капитана русского корабля «Св. Иоанн Креститель», вынужденного задержаться на зиму в Гамбурге на ремонте, о побеге пятерых матросов. Они были завербованы проживавшим в этом городе неназванным австрийским офицером, который впоследствии перевез их в Бремен, где они пребывали в течение нескольких недель. Гросс немедленно обратился к императорскому министру в Гамбурге барону Антону Биндеру фон Кригльштайну. Тот обещал поставить в известность свой двор и сообщить «дружески» резолюцию императора по этому делу. Иосиф II приказал Имперскому военному совету сделать необходимые распоряжения для освобождения матросов и препровождения их к генеральному консулу России в Гамбурге Фридриху Сент-Полю. Гросс выразил своему «собрату» («confrere») барону Биндеру благодарность за «деятельные заботы» («soins efficaces») ²¹. Передать матросов российской стороне удалось не сразу, но на каждом этапе Биндер включался в это дело. Его успешный исход Гросс определенно связывал с тем вниманием венского двора ко всему, что имеет «даже малейшее отношение к интересам и удовольствию ее императорского величества» ²².

Указанные свидетельства двустороннего сотрудничества свидетельствуют о том, что, несмотря на постепенную унификацию посольского права и стандартизацию дипломатической практики в XVIII в., министры союзных держав юридически закрепленного статуса не получили. Более того, «Положение о дипломатических агентах», принятое 19 марта 1815 г. как приложение № 17 к Заключительному акту Венского конгресса, провозглашало, что «ни родственные, ни семейные связи, ни политические союзы между дворами не дают дипломатическим агентам никакого особого преимущества» ²³. Правда, это положение мало что могло изменить. Традиция более тесного общения министров союзных или дружественных держав, объясняющаяся, очевидно, человеческой психологией, дошла до наших дней и вряд ли когда-нибудь будет поколеблена. Исторический опыт их успешного взаимодействия имеет прикладное значение и может быть полезен для современных международных отношений.

Источники:

1. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ):

-Ф. 32. Сношения России с Австрией. Оп. 32/6. Д. 314: проекты рескриптов и депеш вице-канцлера И.А. Остермана Д.М. Голицыну; Д. 644: отпуски депеш Н.И. Панина и И.А. Остермана Д.М. Голицыну (1781); Д. 651: реляции Д.М. Голицына Екатерине II (1781); Д. 655: реляции Д.М. Голицына Екатерине II (1782).

²¹ Ф. Гросс – И.А. Остерману, 12 (23) апреля 1782 г.: Там же. Ф. 44. Сношения России с Гамбургом. Оп. 44/4. Д. 198. Л. 68–68 об.

²² Ф. Гросс – И.А. Остерману, 28 июня (9 июля) 1782 г.: Там же. Л. 95 об. (пер. с фр. яз.)

²³ Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., 1876. Т. III: Трактаты с Австрией. 1808–1815. С. 532.

- Ф. 44. Сношения России с Гамбургом. Оп. 44/4. Д. 198: депешы Ф. Гросса вице-канцлеру И.А. Остерману (1782).
- Ф. 89. Сношения России с Турцией. Оп. 89/8. Д. 625: реляции Я.И. Булгакова Екатерине II (1783).
- Ф. 92. Сношения России с Франкфуртом-на-Майне. Оп. 92/2. Д. 50: депешы Н.П. Румянцова И.А. Остерману (1787).
2. Haus-, Hof- und Staatsarchiv (HHStA):
- Staatskanzlei. Diplomatische Korrespondenzen. Preußen. Karton 61. Hofkorrespondenz. 1779–1781. K. Reviczky an W.A. Kaunitz-Rietberg.
- Reichskanzlei. Zeremonialakten. Karton 20-22. Fasz. Ceremoniel gegen den Rußischen Legations-Rath von Struve. 1780. 1782.

Sources:

1. Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi imperii (AVPRI):
- F. 32. Snosheniia Rossii s Avstriei. Op. 32/6. D. 314: proekty reskriptov i depesh vitse-kantslera I.A. Ostermana D.M. Golitsynu; D. 644: otpuski depesh N.I. Panina i I.A. Ostermana D.M. Golitsynu (1781); D. 651: reliatsii D.M. Golitsyna Ekaterine II (1781); 655: relyatsii D.M. Golitsyna Ekaterine II (1782).
- F. 44. Snosheniia Rossii s Gamburgom. Op. 44/4. D. 198: depeshi F. Grossa vitse-kantsleru I.A. Ostermanu (1782).
- F. 89. Snosheniia Rossii s Turtsiei. Op. 89/8. D. 625: reliatsii Ya.I. Bulgakova Ekaterine II (1783).
- F. 92. Snosheniia Rossii s Frankfurtom-na-Majne. Op. 92/2. D. 50: depeshi N.P. Rumiantseva I.A. Ostermanu (1787).
2. Haus-, Hof- und Staatsarchiv (HHStA):
- Staatskanzlei. Staatenabteilungen. Preußen. Karton 61. Hofkorrespondenz. 1779–1781. K. Reviczky an W.A. Kaunitz-Rietberg.
- Reichskanzlei. Zeremonialakten. Karton 20-22. Fasz. Ceremoniel gegen den Rußischen Legations-Rath von Struve. 1780. 1782.

Библиография:

- Болховитинов Н.Н. Россия открывает Америку, 1732–1799. М., 1991.
- Гриффитс Д. Посредничество как дипломатический инструмент: попытки России выступить посредниками между англичанами, голландцами и даже американцами (1781–1783 годы) // Гриффитс Д. Екатерина II и ее мир: Статьи разных лет. М., 2013. С. 407–425.
- Каким образом договариваться с государями, или О пользе договоров, о избрании послов и посланников и о качествах нужных для получения успеха в сих званиях / Сочинение Г. Калиера [...] с многими прибавлениями М***. Переведено с Французского Ризвикского издания в 1757 году. СПб.: иждивением Императорской Академии наук, 1772. Ч. 1.
- Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., 1876. Т. III: Трактаты с Австриею. 1808–1815.
- Петрова М.А. Екатерина II и Иосиф II: Формирование российско-австрийского союза. 1780–1790. М., 2011.
- Петрова М.А. Опыт разрешения церемониальных конфликтов до принятия Венского регламента 1815 г. (по материалам российской дипломатической переписки) // 200 лет венской системе: проект и практика европейской дипломатии: материалы IX Конвента РАМИ. М., 2016. С. 65–76.

Трактат о посольствах и послах / Пер. с франц. Е.В. Лавровой; общ. ред., предисл., послесл. и примеч. Л.А. Сифуровой. М., 2006.

Callières F. de. De la manière de negocier avec les souverains, ou De l'utilité de Négociations, du Choix des Ambassadeurs & des Envoyés, & des Qualités nécessaires pour reussir dans ces Emplois / Par Mr. de Callières, Conseiller ordinaire du Roy en ses Conseilles, Secretaire du Cabinet de Sa Majesté, ci-devant Ambassadeur extraordinaire & plenipotentiaire du feu Roi pour les Traités de Paix conclus à Ryswick et l'un des Quarantes de L'Academie Française. Paris: Chez Michel Brunet, au Mercure Galant, 1716; Amsterdam, 1716; Bruxelles, 1716.

Joseph II. und Katharina von Russland. Ihr Briefwechsel / Hrsg. A. Ritter von Arneth. Wien, 1869.

La Sarraz du Franquesnay J. de. Ministre public dans les cours etrangeres, ses fonctions et ses prerogatives. Amsterdam: aux dépense de la Compagnie, 1731.

Wicquefort A. de. L'Ambassadeur et ses fonctions. La Haye: Veneur, 1682. Partie 1.

Bibliography:

Bolkhovitinov N.N. Rossiia otkryvaet Ameriku, 1732–1799. М., 1991.

Griffits D. Posrednichestvo kak diplomaticheskii instrument: popytki Rossii vystupit' posrednikami mezhdu anglichanami, gollandtsami i dazhe amerikantsami (1781–1783 gody) // Griffits D. Ekaterina II i ee mir: Stat'i raznykh let. Moskva, 2013. S. 407–425.

Kakim obrazom dogovarivat'sia s gosudariami, ili O pol'ze dogovorov, o izbranii poslov i poslannikov i o kachestvakh nuzhnykh dlia polucheniiia uspekha v sikh zvaniakh / Sochinenie G. Kaliera [...] s mnogimi pribavlenniami М***. Perevedeno s Frantsuskago Rizvikskago izdaniia v 1757 godu. Sankt-Peterburg: izhdiveniem Imperatorskoi Akademii nauk, 1772. Ch. 1.

Martens F.F. Sobranie traktatov i konventsii, zakliuchennykh Rossieiu s inostrannymi derzhavami. Sankt-Peterburg, 1876. T. III: Traktaty s Avstriieiu. 1808–1815.

Petrova M.A. Ekaterina II i Iosif II: Formirovanie rossiisko-avstriiskogo soiuz. 1780–1790. Moskva, 2011.

Petrova M.A. Opyt razresheniia tseremonial'nykh konfliktov do priniatiia Venskogo reglamenta 1815 g. (po materialam rossiiskoi diplomaticheskoi perepiski) // 200 let venskoii sisteme: proekt i praktika evropeiskoi diplomatii: materialy IX Konventa RAMI. Moskva, 2016. S. 65–76.

Трактат о посол'ствakh i poslakh / Translat. from French E.V. Lavrova; red. L.A. Sifurova. Moskva, 2006.

Callières F. de. De la manière de negocier avec les souverains, ou De l'utilité de Négociations, du Choix des Ambassadeurs & des Envoyés, & des Qualités nécessaires pour reussir dans ces Emplois / Par Mr. de Callières, Conseiller ordinaire du Roy en ses Conseilles, Secretaire du Cabinet de Sa Majesté, ci-devant Ambassadeur extraordinaire & plenipotentiaire du feu Roi pour les Traités de Paix conclus à Ryswick et l'un des Quarantes de L'Academie Française. Paris: Chez Michel Brunet, au Mercure Galant, 1716; Amsterdam, 1716; Bruxelles, 1716.

Joseph II. und Katharina von Russland. Ihr Briefwechsel / Hrsg. A. Ritter von Arneth. Wien, 1869.

La Sarraz du Franquesnay J. de. Ministre public dans les cours etrangeres, ses fonctions et ses prerogatives. Amsterdam: aux dépense de la Compagnie, 1731.

Wicquefort A. de. L'Ambassadeur et ses fonctions. La Haye: Veneur, 1682. Partie 1.